ЕВРОПА — СПРАВА

П. Е. ЗАБЛУДОВСКИЙ

Москва

Вы все слышали, конечно, что жизнь — коротка. Но вы не представляете себе, не подозреваете — насколько она коротка. Один из верных путей продлить ее — это путешествия — продление в пространстве. Молодой человек! Если имеете хоть малейшую возможность, — путешествуйте! Если не имеете никакой возможности — все равно путешествуйте!

Анатолий Франс. К нашей молодежи.

Следуя мудрому совету Анатолия Франса — писателя, философа и большого друга нашей страны, автор этих строк старался путешествовать и путешествовал. В предыдущем очерке* речь шла о сопровождении в 1928 году паломников-мусульман из Западного Китая на богомолье в Мекку и посещение стран и городов по дороге. Из других странствий, имевших место в разных направлениях долготы и широты, останавливаясь на плавании в 1928 году вокруг Европы, из Черного моря (Одесса) в Северный Ледовитый океан (Мурманск, Архангельск).

Небольшой курортный пароходик «Ястреб», обычно совершавший рейсы между Севастополем и Ялтой, или между Ялтой и Алуштой, перебрасывался в Белое море, в порт Архангельск. Такие переброски, иногда довольно далекие, были тогда нередки, ввиду острого недостатка в судах разного типа. В данном случае учитывалась при-

* На разных широтах//Из истории медицины. — Рига, 1987. — Т. XVII. — С. 71–93.

годность «Ястреба» для предстоящих научных экспедиций: небольшие размеры судна, удобная кают-компания (для научных совещаний), острый киль — на случай раннего обледенения в северных водах. В последнем организаторы переброски ошиблись: острый киль «Ястреба» был вполне пригоден для преодоления «сала» (раннего обледенения) в Черном море, у Крымского побережья; но в северных водах, в первом же хозяйственном рейсе (на Новую Землю) в октябре курортный пароходик был раздавлен льдами. Собственно, «Ястреб» по правилам морского «Регистра» не полагалось выпускать в открытое море, а тем более — в Северный Ледовитый океан, но острый недостаток в судах заставлял тогда отступать от правил. При отъезде я получил весьма сомнительный комплимент: «Нормальный человек на таком суденышке в Атлантику, а тем более в Северный Ледовитый не поехал бы. Но для Вас это подходящее дело». Врача на «Ястребе» по штату не полагалось, поэтому об оплате не могло быть и речи. На таких же началах я в предшествовавшем 1927 году совершил поездку с паломниками в Мекку.

АЛЖИР

[О Стамбуле и Пирее-Афинах — первых остановках — речь шла в предыдущем очерке, поэтому здесь о них можно не говорить. Следующая остановка была в Алжире, который тогда принадлежал Франции]. Завоеванный Францией в 1823 году, Алжир сто лет оставался на положении колонии; в 1923 году, за шесть лет до нашего приезда, он был переведен в обычный департамент. В начале августа 1929 года во Франции проводились очередные выборы в Национальное Собрание. Город был заполнен большими цветными афишами многочисленных партий и групп. В содержании их, наряду с изложением государственных задач, большое место занимали взаимные обвинения лидеров в разных неблагоприятных действиях: злоупотреблении служебным положением, хищениях, взяточничестве и т. п.

Несмотря на шестилетнее уже, с 1923 года, положение Алжира в качестве обычного департамента Франции, в нем к 1929 году полностью сохранилось прежнее резкое колониальное различие «европейской» и «туземной»

части (не исчезло оно и в настоящее время, когда Алжир в течение десятков лет является политически самостоятельной страной). Набережная и примыкающая к ней «европейская» часть города — отели, виллы, банки, конторы — «африканский Париж»; а вокруг — амфитеатром поднимающийся «туземный квартал» — Казбах, или Казба. Познакомился с санитарным врачом города доктором Лемером, получил у него комплект хорошо изданных отчетов о медицинской службе и санитарной части города для библиотеки Института социальной гигиены в Москве. При беседе с Лемером произошло недоразумение. «Город» означал для Лемера только его французскую, европейскую часть, «туземная» часть его не интересовала.

Удалось заехать на день в угол пустыни Сахары — точнее, в полупустыню, приближенную к побережью, в оазис «Обезьяний источник». Обезьяны здесь, в Северной Африке, не водятся, но несколько лет назад завезли, в коммерческих, очевидно, целях, стадо мелких обезьянок. Они здесь размножились и, подобно птицам, сидят на ветвях пальм, только не чирикают, а издают гортанные крики. Привыкши к подачкам приезжающих туристов, они бросаются к каждой машине, соскакивают с ветвей, бесцеремонно хватают за плащи, брюки, платья, требуя подачки.

ГИБРАЛТАР. АТЛАНТИКА

Выход из Средиземного моря в океан впечатляет: по обе стороны возвышения, вроде ворот, как бы специально поставленные — Геркулесовы столбы. Название оправдано. На европейском берегу — совершенно отвесная, как обрубленная, гигантская скала — Гибралтар; на африканском — в несколько раз меньшая — Сеута. В английской морской крепости действует свой режим: иностранцам сходить на берег запрещено. Кроме того, в годы первой мировой войны английскими властями введено было требование специальных разрешений на проход пролива, считавшегося военной зоной. Требование это действовало еще в 1929 году. Получение разрешения отняло целый день: советские суда были на особом подзрении. Находчивый капитан объяснил полиции, что доктору совершенно необходимо срочно купить в аптеке медикаменты — на судне больные. Если не лечить, то

придется их здесь же, в Гибралтаре, списать на берег. Это сразу подействовало: не заразные ли больные? Не чумные? В сопровождении полицейского я направляюсь в аптеку. Там возникло неожиданное затруднение: в испанских аптеках был еще в ходу, оказывается, старый «нюренбергский» вес — унции, скрупулы, драхмы; другого аптекарь не знал, а я не знаю этой прописи. С трудом понимая друг друга, мы объяснились красноречивыми жестами. Полицейский сидел в кресле, зевал; наконец ему надоело ждать, очевидно, были дела поважнее, и он ушел. Лучшего не требовалось; избавившись от надзора, я, не спеша, ходил по Гибралтару. В сущности, там одна улица, прижавшаяся к скале. Маленькие домики, одно- и двухэтажные, самый большой, трехэтажный, в центре улицы — «Клуб морских сил Его Величества короля» (конечно, английского, а не испанского). Встретилась пустая грузовая машина. Водитель, африканец, согласился за соответствующую плату отвезти меня на кладбище и дожждаться там моего возвращения. К Гибралтару примыкает кладбище умерших английских военнослужащих. Читал сентиментальные надписи. Дальше на запад — главное кладбище, собственно, это большой парк с могилами жертв Трафальгарского (1805 г.) морского боя, решившего на рубеже XVIII и XIX вв. судьбу Гибралтарского пролива в пользу Англии. В память этого события одна из главных площадей в Лондоне носит название Трафальгарской; там же статуя героя Трафальгарской битвы адмирала Нельсона.

Видел в Гибралтаре объявление о бое быков в Алхесирасе (Алжезирас — во французской транскрипции, преобладающей в нашей исторической литературе). Этот маленький городок на побережье вошел в дипломатическую историю XX века: конференция в Алжезирасе — франко-германская, своего рода преддверие первой мировой войны. Как рассказывали нам, бои быков — корриды — в Алхесирасе особые, современные: и тореадоры, и быки застрахованы в особой страховой компании и корриды не опасны ни тем, ни другим. В Севилье и Барселоне не признают этого новшества: там корриды — классические, традиционные. Проведя в Гибралтаре и на кладбище несколько часов, вернулся вечером на судно. «Еще ни разу никто из наших не сходил здесь в крепости Гибралтар на берег», — сказал капитан.

Дальше — Атлантический океан, огибаем Европу с запада, видели западную оконечность Европы — мыс Рока в Португалии, мыс Финистерре в Испании, как ранее видели южную оконечность Европы — мыс Матапан (Греция). Апельсиновые рощи, виноградники и устье реки Тежу, на которой, выше по течению, стоит Лиссабон. Река совершает большие изгибы, и Лиссабон не виден. Небольшие суда вывозят фрукты — цитрусовые и вина. У мыса Финистерре, в Бискайском заливе, часты штормы. Репутация Бискайи у моряков — вроде Новороссийской бухты на нашем Черноморском побережье. Но нас встретил здесь полный штиль.

В АНГЛИИ

В Англию прибыли в субботу вечером, когда все отдыхают, тем более в небольшом городке Дартмуте, где мы пристали, у устья реки Дарты. Это юго-западная оконечность Англии, выдающаяся в океан острым носом. Население городка — не более 10 000. Развалины средневековой крепости, большой морской колледж. Въехали мы в Англию, можно сказать, с «черного хода». Парадный обычный въезд с континента — из Остенде (Бельгия) или из Па-де-Кале (Франция) — Дувр. «Черный ход» гораздо показательнее для ознакомления с любой страной, чем парадный, где меньше своеобразия, все подчищено на один лад. Видели здесь старинные небольшие кэбы в конной упряжке, где кучер сидит на возвышении, позади двух пассажиров. Из обычного употребления эти кэбы давно вышли, но ветхозаветные старики и особенно старушки предпочитают именно на этих кэбах ехать в церковь по праздникам. Разгрузка судна в субботу в английском порту невозможна: все отдыхают. Здесь началось мое прибывание в Англии, около 10 дней, пока судно чинилось. Из Дартмута ночным поездом узкоколейной дороги выехали в Плимут, оттуда в Лондон — по большой Западной железной дороге. Обращает внимание, как все пассажиры третьего класса проводили ночь в поезде: все снимали обувь и надевали прорезиненные туфли; все подкладывали под голову и плечи надувные резиновые подушки. Уславливались друг с другом, кто как будет держать ноги — на противоположной скамье: максималь-

ное использование возможности ночного отдыха в жестком вагоне с сидячими местами. Проводник дважды за ночь менял полотенца в туалете. На станциях при подъезде к Лондону продавались карты города с маршрутами «как сделать Лондон за один день».

ЛОНДОН

В Лондон прибыл на вокзал Пэддингтон, это западная часть города. Здесь же Букингэмский дворец — королевская резиденция. В полдень происходит описанная многими смена караула — шотландских стрелков в высоких меховых шапках, напоминающих головные уборы наших туркмен — текинцев, помудов. Шапки стрелков не меняются и в летнее время — их носят, обливаясь потом, что я мог видеть в жаркие августовские дни. Смотреть картину смены караула собираются толпы мальчишек из разных концов города. Им не уступают ни в количестве, ни в проявляемом любопытстве иностранные туристы, которых летом в Лондоне немало. Тут же, у дворца, начинается огромный Гайд-парк, в котором известный «угол разговоров», с несколькими трибунами, с которых разрешается говорить кому угодно, когда угодно и о чем угодно. Дежурит полицейский — бобби, но никогда не вмешивается. Говорят — кто на политические, кто на бытовые темы. Историки античности утверждают, что в таком роде была общественная трибуна в Древнем Риме, служившая Цицерону первичной школой упражнения в красноречии.

В отличие от наших парков, в Гайд-парке и в других английских парках разрешается ходить не только по аллеям и дорожкам, но и по траве, чем многие пользуются и даже лежат на ней. Странно, что зелень не повреждена, не вытоптана. Езда верхом разрешается только по дорожкам. В утренние часы можно видеть большие кавалькады молодежи обоих полов. Умение хорошо ездить верхом — обязательное требование к молодому человеку в состоятельных слоях. Конный спорт — любимый у англичан, после футбола, или даже наравне с ним.

Здесь же, вдоль южного края Гайд-парка, тянется предлинная Оксфорд Стрит, пересекающая добрую поло-

вину Лондона. К Пэддингтону примыкают с востока Вестминстер и Сити — центральная часть города. Вестминстер известен, кроме часовой башни Большого Бена, двумя примечательными зданиями, сходными по стилю: Вестминстерским аббатством и парламентом с двумя его палатами — лордов и общин. Август — время парламентских каникул, и я застал парламент пустым, аккуратно прибранным. В палате лордов — кресла в красном бархате, в палате общин — длинные узкие диваны («скамейки»), покрытые зеленой материей, высятся одна над другой. Справа от высокого кресла председателя — места для «правительства Его (теперь — Ее) Величества» и партии Его (Ее) Величества; слева — для «оппозиции Его (Ее) Величества». Их разделяет предлинный стол, шириной метра в два. Помещение палаты общин, в общем, довольно тесное.

Вестминстерское аббатство — старое название; теперь это своеобразный музей и пантеон — место захоронения крупных деятелей Англии. Захоронения давно прекратились: не хватает места, уплотнено до предела. Под полом, как у нас в Ленинграде в Петропавловской крепости и в Александро-Невской лавре, захоронены Ньютон, Дарвин, Нельсон, Гладстон и др. — Англия прошлых веков; ходишь с опаской, как будто наступаешь на них. На стенах буквально не осталось свободного места. Раньше устанавливали большие статуи, пространства хватало; затем пришлось ограничиться бюстами, выглядывающими из-за плеч предшественников, используя каждый квадратный дециметр. Когда умер Уинстон Черчилль, места в аббатстве для него уже не нашлось — пришлось увозить на родину.

Рядом с Вестминстером — Лондонский кремль — Тауэр, лучший образец старой английской готики — усеченный, без острых шпилей и пиков, характерных для классической католической готики (Кельнский собор на Рейне, Венский собор св. Стефана). В Тауэре сохранились камеры старой тюрьмы, с выцарапанными на стенах прощальными автографами осужденных, в том числе короля Якова — «Безземельного».

Старый мост — Тауэр Бридж — ведет от Тауэра в южную часть города; мостов через Темзу несколько, число их растет по мере разрастания города. Старое Сити

— типичное средневековое — тесные улочки и переулки. Таков и Уайтчепль — район бедноты. Здесь же старый еврейский квартал, объявления еврейским шрифтом на балконах, на дверях столовых. Правительственный квартал — улица Даунинг Стрит с примыкающими переулками — старые двухэтажные здания. Памятник на могиле Маркса в северо-восточной части города очень напоминает памятник в Москве на Театральной площади, вернее, наоборот: памятник, поставленный в Москве, напоминает установленный на старом Лондонском кладбище.

Особый город в городе — Британский музей — огромная территория, где по отделам собраны богатства, вывезенные из стран, которыми когда-то владела мировая империя. Так, в отделе античности — лучшие статуи работы Фидия и Праксителя, вывезенные из Греции. В египетском отделе — аллея фараонов — склепы со всем содержимым и убранством: Рамзес Миамун первый, второй, Рамзес Миамун третий и другие. Сфинксы, большие и малые. В отделе буддизма — статуи Будды, от двухэтажных, из красного дерева, из меди — до серебряных и золотых, величиной с наперсток. Британская империя владела многими буддийскими странами.

За короткое время пребывания англичан в нашей Средней Азии и Азербайджане вывезено немало и оттуда. В читальне библиотеки Британского музея работал, как известно, В. И. Ленин, собирая материалы для «Материализма и эмпириокритицизма».

Лондон расположен в десяти или более километрах от устья Темзы; но портовый район — с доками, мастерскими — растет в сторону моря.

По утрам пригородные поезда выбрасывают массу приезжающих в город на работу. Значительное число работающих в городе живет за городом.

На большой прямоугольной Трафальгарской площади, где в центре статуя адмирала Нельсона, по углам два крупных музея изобразительного искусства — Национальная галерея и галерея Тейт. Купил здесь много хорошо выполненных копий классических картин. Поражает распределение картин: не столько по школам, направлениям, мастерам, к чему мы привыкли, а по жертвователям: в зале, где собраны картины, пожертвованные рядом таким-то, можно рядом видеть полотна англи-

чанина Лоуренса, француза Фрагонара, немца Кранаха, испанца Веласкеса и др.

В Лондоне довольно рано утихает дневной шум, и город, не сильно освещенный, засыпает. Исключение — большой сквер Пикадилли; здесь жизнь всю ночь до утра, яркие цветные динамические рекламы, на многих домах неоновые надписи, шумят толпы гуляющих; естественно, большое место занимает проституция. А в центре, на возвышении, стоит проповедник «армии спасения» и непрерывно говорит, как заводная машина. Никто его не слушает: одни гуляющие слышат начало его фразы, другие, идущие за ними, — конец. Рядом с ним мальчик-негр с ослепительно белыми зубами на фоне красных губ и черного лица держит, улыбаясь, в руках плакат: «Покайтесь, грешники, близится царство Бога!». В корзине сложены, свернутые рулонами, еще несколько таких плакатов про запас. Я терпеливо переждал, когда проповедник на момент остановил поток речи, чтобы проглотить слюну, и обратился с просьбой: дать мне образец плаката, так как я из далекой страны. Он великодушно велел негритенку протянуть мне один плакат и добавил: «Возьмите и проповедуйте слово Божие!». Что с этим плакатом случилось в Архангельске, где его приняли как попытку проникновения религиозной пропаганды, расскажу в своем месте.

Из Лондона, где провел 8 дней, выехал ночным автобусом на север Англии, где в Ньюкасле-на-Тайне должен был вернуться на свой «Ястреб», следовавший вдоль побережья, с небольшим ремонтом по пути. Около полуночи была остановка в Ноттингеме, в престарелом постоялом дворе, принимавшем в прошлом, надо полагать, немало дилижансов в конной упряжке:

... По дорогам Англии веселой
Вновь трубит старинный дилижанс...

Перед этим проехали Стратфорд — место рождения Шекспира. Ноттингем представляет некоторые особенности. Из трех-четырёх основных политических партий Англии к настоящему времени реально сохранились две — консерваторы и лейбористы. Либералы, еще недавно, в годы первой мировой войны и после нее, правившие Англией (Ллойд Джордж, Асквит и др.), сошли почти на нет,

представлены в парламенте и в местных органах единицами. А Ноттингем упорно избирает только либералов. Расположенный в самом центре Англии, Ноттингем считается очагом самого чистого английского языка; в прибрежных городах сказывается в произношении влияние соседних стран — Норвегии, Бельгии, Франции, Германии. Но около часа ночи у постоялого двора пришлось слышать только крепкую брань пьяниц: «самую чистую» английскую речь я слышал в наборе самых крепких английских ругательств.

Покинул наш пароход Англию не в самом Ньюкасле, а в Блайсе — маленьком городке немного севернее, вроде города-спутника.

ОТ НЬЮКАСЛА ДО АРХАНГЕЛЬСКА. НОРВЕЖСКИЕ ШХЕРЫ

Последние два дня пребывания в Англии, в Ньюкасле и Блайсе, преимущественно были посвящены ознакомлению с английской промышленной выставкой в Ньюкасле. Выежая из Лондона, я о ней не знал. Каждый павильон был занят экспонатами определенной отрасли промышленности и связанной с ней техники. Так как каждая фирма — а экспонентами были именно фирмы — была заинтересована в показе именно своего производства, своих успехов, то обобщающих данных в масштабе страны было мало, их надо было искать и не всегда легко было найти. Оформление всех павильонов было однообразно серым: на полу — машины в натуре, а на стенах отчетные данные — таблицы и диаграммы.

Исключением являлся павильон химии: сравнение химической промышленности и науки в Англии и в других странах, данные о развитии, яркие многокрасочные транспаранты, художественно выполненные лозунги, призывы. По обилию красного цвета могло вначале показаться, что вернулся в СССР; но красное больше бросалось в глаза; были, конечно, и другие краски. Содержание призывов было в одну точку: «Предприниматели и рабочие, сплотитесь, подайте друг другу руки: у вас одна цель — процветание Англии!», «Только прочное единство рабочих и владельцев фабрик — в интересах тех и других!», «Не давайте, рабочие и предприниматели, расколоть ва-

ши ряды — у вас общие друзья и общие враги!» и т. п.

Это был мондизм в действии, наглядно представленный. Альфред Монд, крупнейший тогда представитель химической промышленности Англии, был организатором этого павильона. Видный член консервативной партии, он был создателем ее программы «социального мира и единства». Идея Монда: континентальная Европа сотрясается социальными конфликтами и стачками; счастливая Англия будет избавлена от этого бедствия.

Действительно, тогда экономическое преобладание Англии — владычицы морей и крупнейших колоний — давало возможность подкупа известной части рабочих, создания видимости единства их интересов с предпринимателями. Монд возвел это временно сложившееся положение в теорию. На своих фабриках Монд разделял часть акций между рабочими: каждый рабочий должен был в какой-то степени чувствовать себя совладельцем, заинтересованным в большей доходности предприятия, ощущать личный ущерб от убытков. Через социальную программу партии консерваторов Монд стремился опыт своих фабрик возвести на общенациональную ступень.

На протяжении конца XIX века и почти всей первой четверти XX осуществления мондизма в какой-то степени удавалось; но в общеанглийской стачке 1926 года мондизм потерпел крушение: общие законы развития капитализма оказались действующими и в Англии. Но Монд продолжал свою линию: на практике — в своих фабриках, в пропаганде — на общеанглийской арене. Это и нашло выражение в павильоне химии на выставке: павильон химии был павильоном Монда. К концу жизни он получил титул лорда Мелчетта.

Будучи в Лондоне, я попытался посетить в числе других музеев и «дворец химии», но он оказался закрытым по четвергам, а это был последний день моего пребывания в Лондоне. Но то, что можно было увидеть снаружи у входной двери, стоило самого посещения: две глубокие ниши по обе стороны массивного входа, в нишах две хорошо выполненные фигуры, олицетворяющие «теорию и практику химии». Теорию воплощает Дмитрий Иванович Менделеев, со своей периодической системой элементов в руке; практику олицетворяет Альфред Монд. Он сам поставил себе памятник.

Покинув берега Англии, «Ястреб» взял курс на восток, через Северное (Немецкое) море, к Скандинавии. Нам предстояло пройти норвежские шхеры от Ставангера до Нордкапа — путь не малый, на пять-шесть дней. Шхеры вдоль берегов Норвегии — самое красивое, что довелось мне видеть в плаваниях. В середине августа солнце в предполярной и полярной зоне не заходило: оно опускалось к горизонту и, переместившись вдоль него, тут же вновь поднималось.

Одна заря сменить другую

Спешит, дав ночи полчаса —

описывает Пушкин белые ночи в Петербурге. Но здесь не было и этого получасового промежутка.

Шхеры — нагромождение бухт, мысов, островов, камней. Плавать без местных лоцманов здесь невозможно. Капитан нанял в Ставангере семейную компанию лоцманов Иоханессенов — деда, отца, внука; и они несколько суток вели судно, дежуря на мостике по восемь часов. Вот четыре прохода рядом, один — самый широкий; казалось бы, это и есть наш путь дальше. Но он кончается тупиком; и Иоханессен направляет судно, наоборот, в самый узкий; и этот после нескольких поворотов выводит нас дальше. Картина меняется каждые несколько минут, нельзя оторваться; несколько суток я почти не спал.

Норвежские шхеры — в три краски: черные скалы вверху, затем полоса зеленой хвои и внизу — вода, в разной окраске, смотря по глубине в данном месте. Часты свергающиеся по скалам водопады — белый уголь, неиспользуемый пока запас энергии. Эти три этажа, в три краски — на всем протяжении шхер. И лоцман Иоханессен, один из трех, уверенной рукой ведет нас от одной картины к другой. Проехали в северной части шхер Нарвик, вошедший в историю второй мировой войны: здесь, на границе Лапландии, северной части Норвегии, патриотическими отрядами норвежцев с поддержкой поляков было оказано сопротивление продвинувшимся до севера Норвегии фашистским интервентам.

Севернее Нарвика «Ястреб» сделал остановку в Харштадте, крохотном городке в глубине большой бухты.

Здесь удалось мне посетить школу, больницу, школьного врача (он же — санитарный, судебный, полицейский); пять письменных столов в его комнате представляют пять его должностей. Провел очень интересный вечер у врача в больнице, в небольшом двухэтажном готическом домике. Были: старший учитель школы (кроме него имеется еще один), два единственных врача города (больничный и санитарный) и пастор: вся интеллигенция Харштадта. На стенах — портреты Ибсена, Грига, в шкафу — их сочинения и ноты. Интересная беседа: (на немецком языке): «Прекрасные новые здания у вас — и школы, и больницы, видимо, недавно построены». — «О да, они построены недавно, в хорошие времена». — «А что вы считаете хорошими временами?». — «А те, когда у Вас были плохие времена». Имелись собеседниками моими в виду годы первой мировой войны, когда Россия была отрезана фронтом от Европы, а Норвегия, как и Швеция, были единственными транзитными путями, обогащались и таможни, и торговые компании, и отдельные частные лица. За счет доходов этих «хороших лет» и построены в Норвегии и Швеции новые здания — не только, конечно, в Харштадте.

Проехали крайнюю северную точку Европы — мыс Нордкап, точнее мыс Нордкин (Нордкап — это островок, отделенный от материка совсем узким проливом). Шхеры кончились, ехали берегами Лапландии, сперва Норвежской, потом нашей — Кольским побережьем. Повторно посетил Мурманск, неузнаваемо разросшийся после 1925 года, когда видел его в первый раз. «Ястреб» бросил якорь в Саломбале — Архангельском порту. Архангельск тоже посетил повторно. Здесь пришлось лишиться плаката «Покайтесь, грешники — близится царство Бога!» из Лондонского Пиккадилли, как выражения религиозной пропаганды. Все остальное из многих стран Европы — от Греции до Англии и Норвегии — книги и копии картин — благополучно доехало до Москвы.

Итак, объезд берегов Европы — «Европа справа» — кончился. Предстояли другие рейсы — к северным островам, населенным одними тюленями и моржами; и на юг — в Индийский океан, в Персидский залив, в залив Шат-Эль-Араб, между Ираном и Ираком, тогда не воевавшими между собой. Но это — предмет следующих очерков.

EUROPE — ON THE RIGHT SIDE

P. ZABLUDOVSKY

Moscow

Summary

The author who used to travel much in his time has told us in his previous article «On Various Meridians» (see coll. w. «From the History of Medicine» vol. XVII, 1987, p. 71—93) about his accompanying a group of pilgrims-moslems from Western China to Mecca in 1927 and his visiting a number of countries on his way. At present he shares his impressions of a trip made in 1928 on board the ship «Yastreb» from the Black Sea to the Arctic Ocean (Murmansk, Archangelsk).

Профессор Заблудовский Павел Ефимович

127644, Москва,

Лобненская ул., 12/3, кв. 682